Оригинальная статья / Original article
УДК 93/94
DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-109-121

«Я ДАЛ КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ НЕУСТАННО, НЕУСЫПНО ВЕСТИ БОРЬБУ С ПАЛАЧАМИ И ТИРАНАМИ РУССКОГО НАРОДА…» НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГЕНЕРАЛЕ И.М. ЗАЙЦЕВЕ

© А.В. Ганин
Институт славяноведения РАН,
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.

Статья посвящена деятельности сподвижника атамана А.И. Дутова – генерала Ивана Матвеевича Зайцева. В 1924 г. Зайцев вернулся из эмиграции в СССР в целях ведения подрывной работы. Затем он был арестован, а позднее вновь попал в эмиграцию, где проявил себя в качестве мемуариста и вел еще более активную антибольшевистскую деятельность. Выезд в СССР, а затем возвращение в Китай провоцировали недоверие и подозрения в эмигрантских кругах. Недавно рассекреченные документы Службы внешней разведки России несколько расширили представления о биографии Зайцева в СССР, однако дали повод для ошибочных выводов и обвинений в адрес этого офицера. Автор в свете новых материалов о Зайцеве анализирует мотивы и логику его поведения в СССР и в Китае. В статье публикуется прежде неизвестный рапорт Зайцева руководителю шанхайского отделения Русского Общевоинского союза генералу М.К. Дитерихсу из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско, датированный 1930 г. и посвященный вопросам продолжения антибольшевистской борьбы.

Ключевые слова: Русская военная эмиграция, генерал И.М. Зайцев, атаман А.И. Дутов, ОГПУ.
Формат цитирования: Ганин А.В. «Я дал клятвенное обещание неустанно, неусыпно вести борьбу с палачами и тиранами русского народа…». Новые материалы о генерале И.М. Зайцеве // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3. С. 109–121. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-109-121

"I GAVE AN OATH OF PROMISE TO RELENTLESSLY FIGHT AGAINST THE EXECUTIONERS AND TYRANTS OF RUSSIAN PEOPLE…" NEW MATERIALS ABOUT THE GENERAL I.M. ZAITSEV

© A.V. Ganin
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
32-A Leninskii prospect, Moscow 119991, Russian Federation

The article is devoted to the activities of the Companion of Ataman A.I. Dutov – General Ivan Matveyevich Zaitsev. In 1924, Zaitsev returned from emigration to the USSR in order to conduct subversive work. Then he was arrested, and later again went to emigration, where he showed himself as a memoirist and led an even more active anti-Bolshevik activity. Departure to the USSR, and then return to China provoked distrust and suspicions in emigrant circles. Recently declassified documents of the Russian Foreign Intelligence Service somewhat expanded the ideas about Zait-

sev's biography in the USSR, but gave rise to erroneous conclusions and accusations against this officer. The author, in the light of new materials about Zaitsev, analyzes the motives and logic of his behavior in the USSR and in China. In the article, author publishes Zaitsev's previously unknown report to the head of the Shanghai branch of the Russian General Military Union, General M.K. Dieterichs from the archive of the Museum of Russian Culture in San Francisco, dated 1930 and devoted to the issues of the continuation of the anti-Bolshevik struggle.

Keywords: Russian military emigration, General I.M. Zaytsev, Ataman A.I. Dutov, the OGPU
For citation: Ganin A.V. "I Gave an Oath of Promise to Relentlessly Fight Against the Executioners and Tyrants of Russian People…". New Materials about the General I.M. Zaitsev. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. 2017. Vol. 13. No. 3. Pp. 109–121. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-3-109-121

Одной из актуальных задач изучения истории русского офицерского корпуса первой четверти XX века остается реконструкция мотивов и поведения офицеров на изломе эпох, вовлечения их в политическую борьбу. В этом отношении чрезвычайно интересен жизненный путь одного из сподвижников атамана А.И. Дутова генерал-майора Ивана Матвеевича Зайцева.

Если в целом его биография уже получила свое подробное архивное освещение (Ганин А.В., 2005), то некоторые ее периоды, в частности, пребывание в эмиграции в начале 1920-х гг., мотивы и обстоятельства возвращения в СССР и жизнь там до ареста требуют дополнительного изучения.

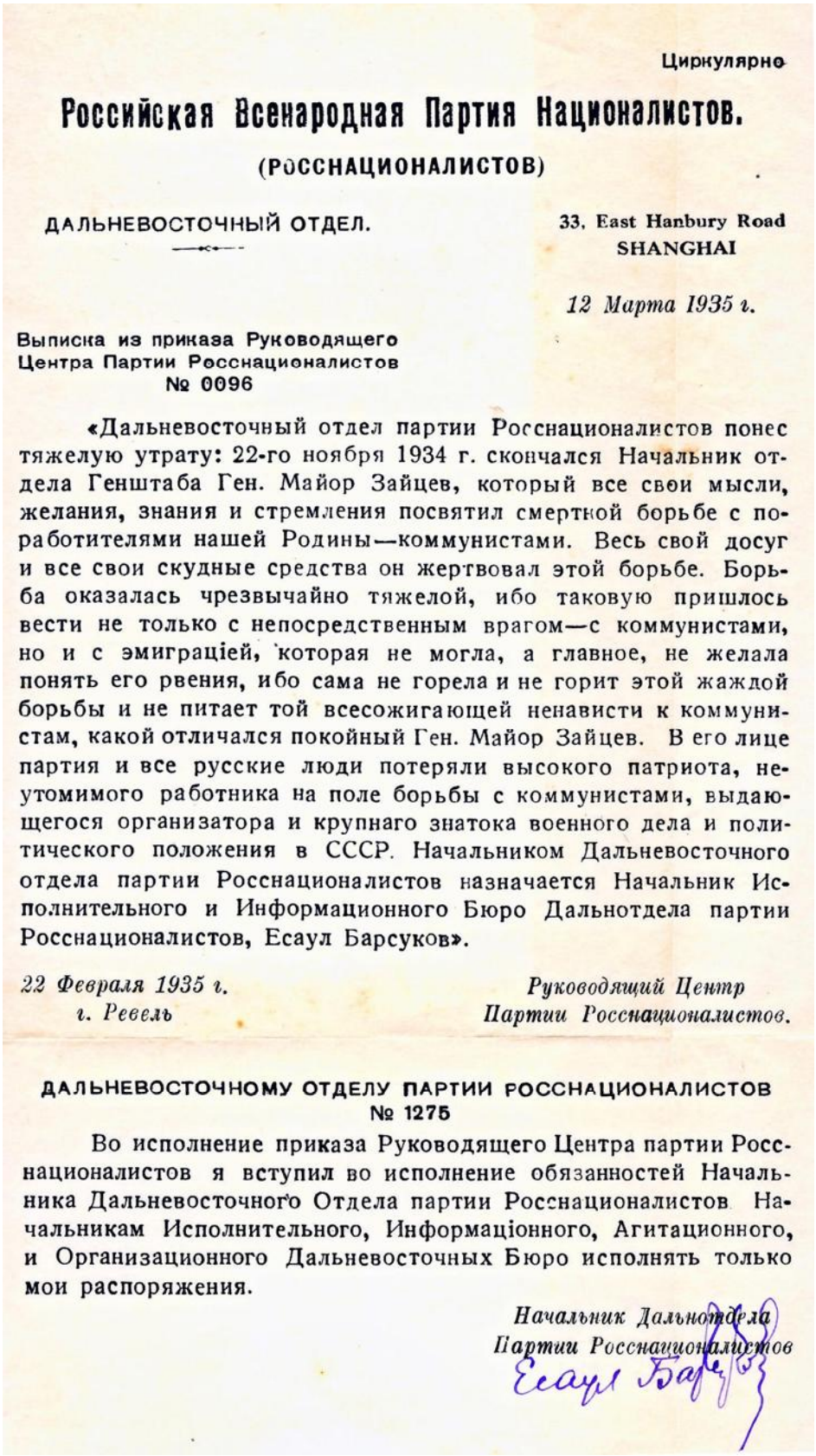
Недавно были рассекречены и опубликованы три документа из архива Службы внешней разведки России, относящиеся к деятельности Зайцева по возвращении в СССР. Эти документы сохранились в копиях. Первый из них – прошение бывшего генерала народному комиссару иностранных дел СССР от 26 сентября 1924 г. с просьбой о принятии на службу (Русская военная эмиграция…, 2015. С. 659–662). Появление этого документа вызвано увольнением Зайцева из рядов РККА в бессрочный отпуск в сентябре 1924 г. Вскоре, 1 октября 1924 г., был подготовлен совершенно секретный доклад Зайцева заведующему отделом Дальнего Востока НКИД СССР с инициативными предложениями по работе в военно-дипломатическом представительстве в Кашгаре, работе в Маньчжурии или Монголии и по возвращению из Шанхая во Владивосток трех пароходов Дальневосточной казачьей группы генерала Ф.Л. Глебова (Там же. С. 663–666). Третий документ представляет собой недатированное (указан только октябрь 1924 г. без конкретной даты) удостоверение ЦИК СССР о том, что И.М. Зайцев уполномочен заниматься отправкой в СССР амнистированных офицеров и солдат белых армий (Там же. С. 668–669).

В СССР Зайцев, планировавший, по его собственным позднейшим утверждениям, ведение подпольной антибольшевистской борьбы, столкнулся с невостребованностью на военной службе. Разумеется, это препятствовало его планам. Генерал обладал очевидной склонностью к авантюризму и приключениям, что прослеживается по его не вполне типичному служебному пути в Гражданскую войну (активное участие в подпольной антисоветской работе в Туркестане, сотрудничество с басмачами, несколько побегов из-под ареста), и бездействие его, видимо, тяготило.

Из рассекреченных документов следует, что, столкнувшись с незаинтересованностью руководства РККА, бывший генерал начал предлагать свои услуги НКИД. Исходя из третьего документа, ЦИК СССР уполномочил его заниматься возвращением в СССР эмигрантов с Дальнего Востока (или наделение такими полномочиями бывшего сподвижника атамана А.И. Дутова лишь намечалось, поскольку дата в удостоверении отсутствует и неясно, было ли оно вообще вручено). К сожалению, других документов по этому вопросу представлено не было, в связи с чем судить о том, участ-

Рис. 1. Генерал И.М. Зайцев предположительно с членами своей военно-дипломатической миссии. Китай, 1920 г. Музей русской культуры в Сан-Франциско
Fig. 1. General I.M. Zaitsev probably with members of his military-diplomatic mission. China, 1920. Museum of Russian Culture in San Francisco

вовал ли Зайцев в чем-либо, невозможно. Отметим, что подобные инициативы могли находиться в русле декларированных им тайных целей, поскольку позволяли легально перебрасывать в СССР белогвардейцев. Таким образом, представленные документы не опровергают утверждения самого Зайцева о тайных целях проникновения в СССР. Более того, сам Зайцев в эмигрантских воспоминаниях упоминал, как о попытках наладить контакты с властями СССР, так и о своих встречах с различными партийно-государственными деятелями. Эти признания свидетельствуют в пользу достоверности мемуаров. Так, генерал описал свою встречу с редактором «Известий» Ю.М. Стекловым по поводу неточностей газетной заметки о нем (Зайцев И.М., 1936. С. 21). Подтверждение этому факту нашлось в документах председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского. В связи с возвращением Зайцева Дзержинский писал своему первому заместителю В.Р. Менжинскому 23 мая 1924 г.: «Из Китая сейчас вернулся б[ывший] нач[альник] штаб[а] Дутова ген. Зайцев. Был у Стеклова. Тот говорит, что передает очень интересные вещи. Необходимо и нам с ним снестись, если это до сих пор не сделано». На записке имелась резолюция второго заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, поручившего начальнику контрразведывательного отдела А.Х. Артузову срочно разыскать Зайцева и доложить об этом (Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 2007. С. 551, 695). Не скрыл Зайцев от эмигран-



Циркулярно

Российская Всенародная Партия Националистов.

(РОССНАЦИОНАЛИСТОВ)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ОТДЕЛ.

33, East Hanbury Road
SHANGHAI

12 Марта 1935 г.

Выписка из приказа Руководящего
Центра Партии Росснационалистов
№ 0096

«Дальневосточный отдел партии Росснационалистов понес тяжелую утрату: 22-го ноября 1934 г. скончался Начальник отдела Генштаба Ген. Майор Зайцев, который все свои мысли, желания, знания и стремления посвятил смертной борьбе с поработителями нашей Родины—коммунистами. Весь свой досуг и все свои скудные средства он жертвовал этой борьбе. Борьба оказалась чрезвычайно тяжелой, ибо таковую пришлось вести не только с непосредственным врагом—с коммунистами, но и с эмиграціей, которая не могла, а главное, не желала понять его рвения, ибо сама не горела и не горит этой жаждой борьбы и не питает той всесожигающей ненависти к коммунистам, какой отличался покойный Ген. Майор Зайцев. В его лице партия и все русские люди потеряли высокого патриота, неутомимого работника на поле борьбы с коммунистами, выдающегося организатора и крупнаго знатока военного дела и политического положения в СССР. Начальником Дальневосточного отдела партии Росснационалистов назначается Начальник Исполнительного и Информационного Бюро Дальнотдела партии Росснационалистов, Есаул Барсуков».

22 Февраля 1935 г.
г. Ревель

Руководящий Центр
Партии Росснационалистов.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ ОТДЕЛУ ПАРТИИ РОССНАЦИОНАЛИСТОВ
№ 1275

Во исполнение приказа Руководящего Центра партии Росснационалистов я вступил во исполнение обязанностей Начальника Дальневосточного Отдела партии Росснационалистов. Начальникам Исполнительного, Информаціонного, Агитационного, и Организационного Дальневосточных Бюро исполнять только мои распоряжения.

Начальник Дальнотдела
Партии Росснационалистов
Есаул Барсуков

Рис. 2. Циркуляр Российской всенародной партии националистов в связи со смертью И.М. Зайцева. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Публикуется впервые
Fig. 2. Circular of the Russian national party of nationalists in connection with the death of I.M. Zaitsev. Museum of Russian Culture in San Francisco. Published for the first time

тов и последовавшее приглашение на беседу в ОГПУ с предложением подготовить письма к эмигрантам, что и было Зайцевым сделано (Зайцев И.М., 1936. С. 21–23). Отмечал он и факт своего увольнения из рядов РККА в бессрочный отпуск. Это подтверждается как прошением Зайцева от 26 сентября 1924 г., так и непосредственно приказом РВС СССР по личному составу армии от 8 сентября 1924 г., согласно которому состоящий в резерве при Управлении РККА по должности начальника штаба стрелкового корпуса Зайцев был уволен в бессрочный отпуск с зачислением на учет по Москве (Приказ РВС СССР по л/с армии. 1924. № 272. 08.09.).

Далее в воспоминаниях генерала следовала такая фраза: «Теперь нужно было изыскивать способы и пути, как бы выбраться по-добру, по-здорову из Москвы, хотя бы к себе на родину в глухую станицу, а уж оттуда будет видно» (Зайцев И.М., 1936. С. 24). В делопроизводственных документах РККА удалось найти подтверждение и этому, казалось бы, малозначительному факту. 4 октября 1924 г. Зайцев во изменение прежнего приказа РВС СССР по личному составу армии был зачислен на учет по своему родному Верхнеуральскому уезду (Приказ РВС СССР по л/с армии. 1924. № 314. 04.10.). Однако уже 25 (по другим данным – 28) октября 1924 г. бывший генерал оказался арестован ОГПУ. Находился в заключении на Лубянке и в Бутырской тюрьме. 2 января 1925 г. постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ он был приговорен к трем годам лагерей, а в июне 1925 г. этапирован на Соловки. В 1929 г. Зайцев сумел бежать из СССР в Китай.

Недавняя попытка анализа рассекреченных документов о генерале Зайцеве В.В. Марковчиным в газетном интервью (Меркачева Е., 2017) и статье (Марковчин В.В., 2016), поданная как громкая сенсация с обнаружением прежде неизвестного советского агента из генералов-белоэмигрантов и опровержением предшествующих работ, не выдерживает критики. Помимо ложных выводов, интервью и статья В.В. Марковчина также содержат ряд фактических ошибок, сознательных искажений и домыслов. Например, читатели вводятся в заблуждение заявлением, что биография Зайцева достаточно популярна среди российских историков, хотя на самом деле, за исключением архивных исследований автора этих строк, биографических работ о Зайцеве пока не написано. Утверждается, что Зайцев получил генеральский чин за заслуги в Первой мировой войне, но в действительности это произошло в разгар Гражданской войны в 1919 г., или что генералы Н.С. Анисимов и И.М. Зайцев не были знакомы, однако они вместе находились в Омске летом 1919 г. и, как генералы, представлявшие Оренбургское казачье войско, не могли не встречаться, а, возможно, знали друг друга и по прежней службе в Оренбурге (Ганин А.В., Семенов В.Г., 2007. С. 91–92, 227).

В.В. Марковчин пришел к выводам, которые отнюдь не проистекают из представленных документов. В частности, он голословно утверждал, что генерал Зайцев детально разрабатывал план угона в СССР из района Шанхая парохода «Монгугай», что в действительности было осуществлено генералом Н.С. Анисимовым в 1925 г., бездоказательно заявил, что Зайцев вряд ли был арестован и содержался в тюрьме и что якобы он не информировал представителей отряда генерала Глебова о предстоящем угоне и пользовался полным доверием властей СССР (Марковчин В.В., 2016. С. 165–166). Ни один из этих выводов из повторно воспроизведенных в статьях документов сборника «Русская военная эмиграция» не проистекает и ничем не подтверждается.

К настоящему времени отсутствуют доказательства участия Зайцева в операции по угону парохода «Монгугай», проходившей в несколько этапов в марте – мае 1925 г. (объемную публикацию документов архива Службы внешней разведки об этом см.: Русская военная эмиграция…, 2015. С. 676–718). Общие соображения бывшего генерала о возможности угона нескольких

пароходов и просьба лично участвовать в операции не тождественны действительному участию в угоне. Данные о том, что он командировался для этого на Дальний Восток, отсутствуют. К тому же тяжелое положение казаков-беженцев и их стремление вернуться на Родину были известны ОГПУ, а советская агентура вела работу на судах группы Глебова (Русская военная эмиграция…, 2015. С. 657–659). Равным образом не опровергнуты факты пребывания Зайцева с конца октября 1924 г. по лето 1925 г. в тюремном заключении. Более того, сам Зайцев, несмотря на определенную путаницу, в мемуарах приводил имена реальных заключенных, которые находились вместе с ним в тюрьме и были расстреляны. Например, действительно содержавшегося в конце 1924 – начале 1925 гг. во внутренней тюрьме ОГПУ (в изложении Зайцева – в Бутырской тюрьме) эсера П.Д. Яковлева, расстрелянного в январе 1925 г. (Зайцев И.М., 1936. С. 86; Скорикова Н.А., 2011. С. 269). Думается, узнику внутренней тюрьмы ОГПУ и Бутырской тюрьмы, что подробно описано Зайцевым в воспоминаниях, было проблематично участвовать в специальных операциях на Дальнем Востоке или о чем-либо информировать эмигрантов. Тем более по тем вопросам, о которых он знать не мог. Наконец, противоречит возможности его участия в этом и многолетний острый конфликт с генералом Н.С. Анисимовым в 1920-е гг. (Новые материалы…, 2015. С. 186–199).

Между тем угон парохода произошел по инициативе генерала Анисимова. Первопричиной стало отчаянное положение больных и голодных казаков, из которых на «Монгугае» в течение года умерли 22 человека. Анисимов возлагал ответственность за это на генерала Глебова, который, несмотря на бедственное положение подчиненных, вел широкий образ жизни и, по свидетельству Анисимова, устраивал «гомерические кутежи в Шанхае с чековыми книжками в руках перед девицами» (ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 57 об.). «Моренние людей в трюмах – не дело спасения Родины», – писал Анисимов генералу А.С. Лукомскому 20 января 1925 г. (ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 61). Эти данные подтверждаются объективной информацией Иностранного отдела ОГПУ, относящейся еще к лету 1924 г. (Русская военная эмиграция…, 2015. С. 658). С конца 1924 г. Анисимов вел переговоры с советским полпредством. Тем не менее еще в начале 1925 г. генерал пытался добиться справедливости у вождей белой эмиграции, отвергая обвинения в сотрудничестве с большевиками и не порывая связей с прежними сослуживцами. Однако, столкнувшись с отсутствием помощи, упреками и травлей в эмигрантской печати, Анисимов с подчиненными перешел в советское подданство, а затем бежал в СССР.

Рис. 3. И.М. Зайцев. Фото из частной коллекции
Fig. 3. I.M. Zaitsev. Photos from a private collection

Не приходится говорить и о том, что Зайцев стал крупным (или любым другим) агентом ОГПУ, на чем акцентировалось внимание читателей в упомянутом выше газетном интервью. Опровергается это как его многолетним заключением на Соловках, так и глубоким недоверием к нему в среде эмиграции, а также всей последующей бурной антибольшевистской активностью Зайцева по возвращении в Китай. Достаточно отметить, что книга Зайцева «Соловки» стала одной из первых работ, давших миру детальное описание совет-

«Предсмертное заклятіе.»

Отходя въ загробный Міръ, я заклинаю всѣхъ тѣхъ, кто преслѣдуя матеріальныя выгоды, будутъ осаждать совѣтскіе правительственныя и общественныя учрежденія, какъ коммунисты, такъ и безпартійные, призванные Богомъ, что проклятія изъ загробнаго міра будутъ посылаемы на головы большевистскихъ доброжелателей. Аминь.

"Добровольно" оставляющій земное бытіе
И. М. Зайцевъ.

Рис. 4. Предсмертная записка генерала И.М. Зайцева, опубликованная в книге его воспоминаний
Fig. 4. The immortal note of General I.M. Zaitsev, published in the book of his memoirs

ской лагерной системы и предвосхитивших знаменитый «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына (Зайцев И.М., 1931). Наконец, опровергается это и самоубийством генерала по причине недоверия эмиграции.

Существует разница между мыслями, настроениями, намерениями и действиями. Спустя столетие после событий есть возможность объективно оценить жизнь и деятельность генерала И.М. Зайцева. Этот человек представляется видным деятелем антибольшевистского движения и ярым борцом с коммунистическим режимом, но отнюдь не советским агентом.

Вниманию читателей предлагается прежде неизвестный документ генерала И.М. Зайцева из собрания Музея русской культуры в Сан-Франциско. Это рапорт Зайцева руководителю шанхайского отделения Русского Общевоинского союза (РОВС) генералу М.К. Дитерихсу от 18 июня 1930 г.

Рапорт вполне характеризует умонастроения Зайцева по возвращении из СССР. Генерал отправил рапорт через доверенное лицо, однако Дитерихс вскоре сообщил, что документы Зайцева пропали из его кабинета (Зайцев И.М., 1936). Несмотря на крайнюю наивность содержания, рапорт интересен тем, что в нем Зайцев упоминает о своем пребывании на Дону после побега из лагеря, а также пишет о контактах с представителями религиозных антибольшевистских организаций в СССР, включая мусульманские организации Туркестана. Проверить эти данные пока не представляется возможным. Но публикация рапорта является еще одним шагом на пути к объективному и взвешенному изучению непростой биографии этого офицера – свидетеля и активного участника переломных событий истории нашей страны.

Выражаю искреннюю признательность моему другу И. Франкьену, выявившему этот документ в архиве музея.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок.

Совершенно секретно.

Российской армии
состоящий по Генеральному штабу
и по Оренбургскому казачьему войску
генерал-майор Зайцев
18-го июня 1930 года
№ 12
Shanghai
727 Avenue Haig.

Руководителю шанхайским
отделением Р.О.В.С.,
Генштаба генерал-лейтенанту
Дитерихс

Рапорт

С представлением
копии послания
группы русского
православного духовенства

Совокупность некоторых причин сковывает мой порыв и стремления и вынуждает меня временно воздержаться от открытой политической работы здесь, на Дальнем Востоке.

Но это совершенно не означает, что я уклоняюсь от борьбы с нашим общим заклятым врагом, антихристовой красной властью.

Наоборот, после всего перенесенного мною в Советском Союзе, после невероятных физических мучений и страданий, бесчисленных глумлений и издевательств, что я лично претерпел в течение четырех лет на Соловках, в тюрьмах и ссылке, – после всего этого я дал клятвенное обещание неустанно, неусыпно вести борьбу с палачами и тиранами русского народа.

И это клятвенное обещание выполняю нерушимо, – по мере сил, а, главным образом, средств, веду борьбу в том или другом виде со своими прежними мучителями.

Общеизвестна непреложная истина, что как бы лицо не стремилось искренно дать себе применение в период открытой борьбы, как бы не были отлично подготовлены им и разумно организованы мероприятия, но если к этому лицу недостаточно доверчиво относятся его сподвижники по борьбе,

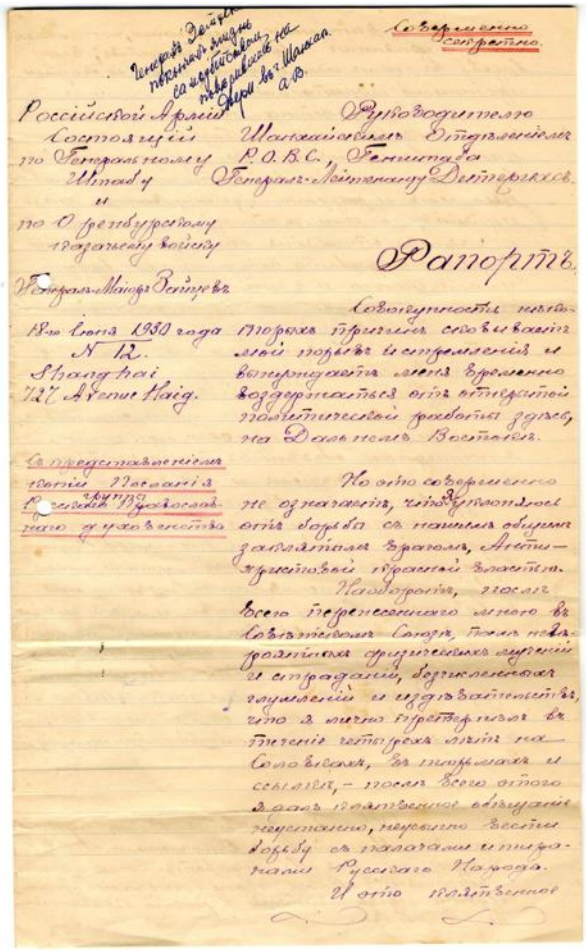


Рис. 5. Первая страница рапорта И.М. Зайцева. Музей русской культуры в Сан-Франциско. Публикуется впервые
Fig. 5. The first page of the report of I.M. Zaitsev Museum of Russian Culture in San Francisco Published for the first time

то работа этого лица не будет иметь успеха, и вместо пользы может принести вред.

Вот в этом духе агенты Коминтерна постарались обезвредить меня сейчас же после бегства за границу.

Когда наступит время, о чем я отмечаю в некоторых моих статьях, вырезки которых при сем прилагаю[1], я постараюсь объявиться там, где отнесутся ко мне с доверием, и где я могу принести пользу в нашем русском святом деле.

Доказательством моего искреннего стремления поработать на пользу родного

[1] В деле отсутствуют.
There are no cases in the case.

русского народа может служить мое добровольное рискованное возвращение в Советскую Россию, арестование[2] меня вскоре по приезде в Москву; что с другими не случается; заточение на Соловки, а оттуда в ссылку, побег из ссылки и бегство за границу. Я никогда личных честолюбивых и корыстолюбивых целей не преследовал, а теперь же для меня личной жизни не существует.

После принятия Вами руководства шанхайским отделением Р.О.В.С. я признаю для себя нравственным долгом представить Вам копию послания некоей группы представителей русского православного духовенства[3].

Это послание я вынес с собой при бегстве за границу.

Краткая история появления этого послания изложена в препроводительной бумаге, с которой послание мною рассылалось по некоторым адресам (копия прилагается)[4].

Более подробная история о написании и отправке послания мною сообщена секретно-доверительно Высокопреосвященнейшему Антонию[5], митрополиту Киевскому и Галицкому, председателю Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей; как ответ на запрос Архиерейского Синода.

Где хранится один экземпляр подлинного послания, мною сообщено при первом свидании Высокопреосвященнейшему Мефодию[6], митрополиту Харбинскому.

Докладываю для Вашего сведения о нижеследующем:

1) Послание было мною разослано сейчас же по прибытии за границу следующим лицам: а) русским иерархам за границей: Высокопр[еосвященнейше]му Антонию, митрополиту Киевскому и Галицкому; Высокопр[еосвященнейше]му Мефодию, митрополиту Харбинскому; Высокопр[еосвященнейше]му Иннокентию[7], митрополиту Пекинскому, Пр[еосвященнейше]му Симону[8], епископу Шанхайскому;

б) руководителям эмиграции: генералу Кутепову[9], генералу Богаевскому[10] (оба прислали ответы с комментариями).

в) главам иностранных христианских церквей: папе Римскому; архиепископу Кентерберийскому; первому кардиналу Франции; польскому кардиналу

и г) некоторым другим.

2) Послание надлежит хранить в тайне по следующим причинам:

а) во-первых, оглашение его никакого впечатления не произведет, – будет пустой звук. Оглашение послания возможно как средство морального воздействия с началом всеобщего движения, например, одновременно с размноженным «Пастырским посланием» митрополита Антония, выпущенного[11] в первый день Пасхи;

---

[2] Так в документе.
So in the document.

[3] В деле отсутствует.
There are no cases in the case.

[4] В деле отсутствует.
There are no cases in the case.

[5] Антоний (Храповицкий Алексий Павлович) (17.03.1863–10.08.1936) – митрополит, председатель Заграничного Архиерейского Синода.
Antony (Khrapovitsky, Alexy Pavlovich) (17.03.1863–10.08.1936) – Metropolitan, Chairman of the Overseas Synod of Bishops.

[6] Мефодий (Герасимов Маврикий Львович) (22.02.1856–29.03.1931) – митрополит Харбинский.
Methodius (Gerasimov Mavriky Lvovich) (22.02.1856-29.03.1931) – Metropolitan of Harbin.

[7] Иннокентий (Фигуровский Иван Аполлонович) (22.02.1863–28.06.1931) – митрополит Пекинский.
Innocent (Figurovsky Ivan Apollonovich) (22.02.1863–28.06.1931) – Metropolitan of Beijing.

[8] Симон (Виноградов Сергей Андреевич) (1876–24.02.1933) – епископ Шанхайский.
Simon (Vinogradov Sergey Andreevich) (1876–24.02.1933) – Bishop of Shanghai.

[9] Кутепов Александр Павлович (16.09.1882–26.01.1930) – генерал от инфантерии, председатель РОВС.
Kutepov Alexander Pavlovich (16.09.1882–26.01.1930) – General of Infantry, Chairman of the ROVS.

[10] Богаевский Африкан Петрович (27.12.1872–21.10.1934) – Войсковой атаман Донского казачьего войска.
Bogayevsky Afrik Petrovich (27.12.1872–21.10.1934) – Ataman of the Don Cossack Host.

[11] В документе несогласованно – выпущенное.
The document is inconsistent – released.

б) во-вторых, оглашение послания может вызвать жестокие репрессии со стороны ГПУ против совсем неповинных лиц, а не тех, кто писал послание. Те немногие готовы на все страдания и ждут с нетерпением смерть.

Хотя одно время распространялось в России воззвание с призывом к участию в священном освободительном движении.

Я читал его, когда пробрался на Дон после побега из ссылки и предложил изъять его, так [как] момент не назрел и заряд пропадает даром.

3) Там, внутри России, главным образом, в юго-восточных областях и на Урале антикоммунистические христианские организации ведут подготовку в том направлении, чтобы новому всеобщему выступлению придать характер религиозного и намерены наименовать его «священное освободительное движение».

Мусульманские организации Туркестана предполагают объявить «Газават» (священную войну). Агитационная литература уже заготовлена на этот случай. Иногда нетерпеливые мусульманские фанатики преждевременно выпускают воззвания с провозглашением «Газавата». Чем, конечно, нарушают планомерность подготовки для одновременного выступления всех очагов борьбы.

4) в моих письмах на имя наших зарубежных архипастырей я изложил пожелание моих политических единомышленников, оставшихся там, в России, – пожелание в том, чтобы пастыри церкви возможно чаще во время церковных бесед обращали внимание верующих на историческую роль нашей православной церкви в годины бедствий русского народа, и вообще беседы вели примерно в духе послания, это и будет моральной подготовкой к новому «священному освободительному движению».

К сожалению, как я наблюдаю здесь, наши пастыри весьма робко касаются этого вопроса и для них, кажется, послание – пустой звук.

Лишь последнее «Пастырское послание» митрополита Антония обрадовало и подбодрило меня. Я горячо приветствую открытое прямое обращение Высокопреосвященнейшего Антония с призывом к вооруженной борьбе против антихристовой красной власти.

Меня удивляет одно, что при появлении «Пастырского послания» митрополита Антония абсолютно не было отмечено нашими пастырями[12], а наши газеты, горделиво выдающие себя за правые, не проронили ни одного слова по поводу послания, как будто это обращение какого-нибудь Шейх-уль-ислама[13].

5) для Вашего сведения прилагаю вырезки с моими статьями, напечатанными в газете «Голос казака»[14]. Как видно из этих, к сожалению, немногих статей, я веду работу именно в духе послания. Но и здесь, несомненно, по происках агентов Коминтерна стремятся обрезать мои крылья. Мое горячее стремление было, пробравшись за границу, путем печати голыми фактами бичевать агентов органа красного террора ОГПУ. Образцом может служить моя прилагаемая статья «Человеческие жертвоприношения по случаю смерти Дзержинского»[15]. Подобных фактов у меня собрано множество. Но как я убежден, агенты Коминтерна приняли против меня заградительные меры; несомненно, с затратой денежных средств.

Будучи на Соловках и в ссылке у меня созрел план, путем последовательного анализа главных социалистических утопий Маркса, Энгельса и их сумасбродного подра[жа]теля Ленина в сравнении их учения с примером опыта социалистического строительства в России доказать полную неприменимость в жизни их социалистической брехни.

---

[12] Так в документе.
So in the document.

[13] Титул высшего должностного лица в некоторых исламских государствах.
The title of the highest official in some Islamic states.

[14] В деле отсутствуют.
There are no cases in the case.

[15] См. об этом: Зайцев И.М., 1936. С. 109–117.
See this: Zaitsev I.M, 1936. P. 109–117.

И в этом вопросе я ниоткуда ни от кого поддержки не получу. Мое стремление останется неосуществимой мечтой.

6) Я признаю, да такого же мнения и мои политические единомышленники, оставшиеся там, в России, что в подготовительный период на эмиграцию должна быть возложена задача установления и поддержания связи между внутренними очагами борьбы, чтобы корректировать их работу и согласовать одновременное повсеместное выступление.

7) В заключение докладываю, что не следует преувеличивать размеров подготовительной работы христианских организаций, а также значения религиозного движения при всеобщем подъеме против красных тиранов.

При новом всеобщем выступлении религиозное настроение будет вначале играть второстепенную роль и притом различно в разных областях.

Должен заметить к стыду русских православных, что наибольшую энергию проявляют старообрядческие и сектантские организации, а также мусульманские. Правда, большинство православных руководителей находятся в заточениях в многообразных местах заключения или в ссылках.

Не подлежит сомнению, что по мере расширения успехов нового освободительного движения быстро возрастет религиозное воодушевление, и я глубоко верю, что великая русская трагедия завершится мощным величественным религиозным апофеозом.

Да благословит Господь Бог подготовительную работу к сему торжеству!

Да сподобит Он нас увидеть Царство Христово на русской земле!

Генерал-майор Зайцев.

Источник: Музей русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция «Русская эмиграция на Дальнем Востоке». Ф. 103. Коробка 3. Папка 16. Подлинник. Автограф.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

Статья поступила 11.06.2017 г.

Article was received in June, 11, 2017

Библиографический список

Ганин А.В. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Казачество России в Белом движении. Белая гвардия. Альманах. 2005. № 8. С. 193–207.

Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945 : Биографический справочник. М., 2007. 676 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 135.

Зайцев И.М. Соловки (коммунистическая каторга или место пыток и смерти). Из личных страданий, переживаний, наблюде-

References

Ganin A.V. The great game of Major-General I.M. Zaitsev. *Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii. Belaja gvardija. Al'manah,* [The Cossacks of Russia in the White movement. The White Guard. Almanac] 2005, no. 8, pp. 193–207. (In Russian)

Ganin A.V., Semenov V.G. *Oficerskij korpus Orenburgskogo kazach'ego vojska. 1891–1945. Biograficheskij spravochnik* [The officer corps of the Orenburg Cossack Host. 1891–1945: Biographical reference book]. Moscow, 2007, 676 p.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archives of the Russian Federation (SARF)]. F. R-5826. Op. 1. D. 135.

Zajcev I.M. *Solovki (kommunisticheskaja katorga ili mesto pytok i smerti). Iz lichnyh stradanij, perezhivanij, nabljudenij i vpechat-*

ний и впечатлений. В 2 ч. Шанхай, 1931. 169 с.

Зайцев И.М. Четыре года в стране смерти. Шанхай, 1936. 144 с.

Марковчин В.В. Черные дни белой эмиграции. Генерал-майор И.М. Зайцев // Известия Юго-Западного государственного университета. Курск, 2016. № 4 (21). Сер. История и право. С. 160–167.

Меркачева Е. Шпионская игра СССР: рассекречены материалы о «самом преданном предателе». Судьба белогвардейского генерала Ивана Зайцева // Московский комсомолец. 2017. № 27383. 28.04.

Новые материалы об атамане А.И. Дутове / публ. А.В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов. Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. С. 100–219.

Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века : документы и материалы. М., 2015. Т. 7. Восточная ветвь 1920–1928 гг. 952 с.

Скорикова Н.А. Жизнь и деятельность П.Д. Яковлева после свержения колчаковской власти в Сибири // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 3 (50). С. 267–270.

Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. 872 с.

lenij. V 2 ch. [Solovki (communist katorga or place of torture and death). From personal suffering, experiences, observations and impressions. In 2 parts]. Shanghai, 1931, 169 p.

Zajcev I.M. *Chetyre goda v strane smerti* [Four years in the country of death]. Shanghai, 1936, 144 p.

Markovchin V.V. Black days of White emigration. General-Major I.M. Zaitsev. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta* [Reports of the South-Western University]. Kursk, 2016, no. 4 (21). *Ser. Istorija i parvo* [Ser. History and Law], pp. 160–167. (In Russian)

Merkacheva E. Spy game of the USSR: declassified materials about “the most faithful traitor”. The fate of the White Guard general Ivan Zaitsev. *Moskovskij komsomolec* [Moscow Komsomol Member], 2017, no. 27383, 28 April. (In Russian)

Ganin A.V. New materials about Ataman A.I. Dutov. *«Atamanshhina» i «partizanshhina» v Grazhdanskoj vojne: ideologija, voennoe uchastie, kadry. Sb. statej i materialov* [“Atamanshchina” and “partisanship” in the Civil War: ideology, military participation, cadres. Collection of articles and materials], Moscow, 2015, pp. 100–219. (In Russian)

Russkaja voennaja jemigracija 20–40-h godov HH veka : dokumenty i materialy. Vostochnaja vetv' 1920–1928 gg. [Russian military emigration of the 20-40-ies of the twentieth century: documents and materials. Moscow, 2015, vol. 7. The Eastern branch, 1920–1928], 952 p.

Skorikova N.A. Life and work P.D. Yakovlev after the overthrow of Kolchak power in Siberia. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta* [Proceedings of the Irkutsk State Technical University], 2011, no. 3 (50), pp. 267–270. (In Russian)

F.Je. Dzerzhinskij – predsedatel' VChK – OGPU. 1917–1926 [F.E. Dzerzhinsky – chairman of the Cheka – OGPU. 1917–1926]. Moscow, 2007. 872 p.

Сведения об авторе
Ганин Андрей Владиславович,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН,
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А,
e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Критерии авторства

А.В. Ганин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author
Andrei V. Ganin,
Doctor Hab., Leading Research Fellow,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
32-A Leninskii prospect, Moscow 119991, Russian Federation,
e-mail: andrey_ganin@mail.ru

Attribution criteria

Ganin A.V. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.